

ПОНЯТИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ

В центре внимания данной статьи находится рассмотрение понятия иррационального в философии, его основных видов и значимости в познании, а также приводятся различные подходы, раскрывающие сущность иррационального. Актуальность данной темы обусловлена прежде всего особенностями развития научно-технической цивилизации.

В последние десятилетия философы, социологи, науковеды наряду с проблемой рациональности все активнее обсуждают проблему иррациональности. Можно сказать, что почти все дискуссии, ведущиеся в разных областях философского знания, начиная с теории познания и кончая этикой, социальной политической философией, так или иначе выходят на эту проблематику. В философии науки она стала одной из самых актуальных.

Иррационализм возник не как элемент, черта, сторона какого-либо философского учения, но как целостная, стройная, четко выверенная и завершенная система, фундаментом которой был новый взгляд на мир и человеческое бытие. Ранее существующие философские системы, писал Шопенгауэр, не смогли, несмотря на гигантские попытки, объяснить мир, раскрыть его тайну, ибо на мир философы смотрели «очень плоским взором, не допускающим даже предположения, что мы погружены в море загадок и непостижимости и непосредственно полностью не знаем и не понимаем ни вещей, ни самих себя» [1, 5].

Шопенгауэр справедливо заметил, что только человек «в полном сознании приближается с каждым часом к своей смерти, и это заставляет подчас усомниться в смысле жизни даже того, кто еще не постиг в самой жизни ее характер вечного уничтожения» [1, 5]. Правильные ответы на эти экзистенциальные вопросы можно получить только в рамках той системы философии, которая сумеет понять мир в его целостности и глубине, в его рациональных и иррациональных проявлениях. Ибо нет сомнения в том, что в прямой зависимости от рациональности и иррациональности мира находятся наши ответы на глобальные вопросы существования мира и нас самих.

Сам по себе термин «иррациональный» возник только в XVII в. и был связан с иррациональными величинами в алгебре и геометрии. Аналогию с иррациональными числами в этой связи проводит Гегель. В «Малой логике» он утверждает: «...геометрия также наталкивается в конце концов на несоизмеримые и иррациональные величины, где геометрия, если она хочет пойти дальше по пути спецификации, вынуждена выйти за пределы принципа рассудка. И здесь так же, как это бывает в других областях, получается превратная терминология: то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности» [2, 336]. Такую же аналогию мы встретим и у А. Шопенгауэра, который в отличие от Гегеля во главу угла ставит иррациональное, т. е. противоразумное, начало вне Разума. Гегель же уповает на Разум, рассматривая иррациональное как то, что Разуму предшествовало и им преодолено: он видит в иррациональном «след» разумности, иррациональное «снимается» спекулятивной мыслью, но в высшем, «разумном», диалектическом мышлении, по Гегелю, все же сохраняется что-то от иррационального. Это «что-то» есть та непосредственность разумной интуиции, наличие которой Гегель отнюдь не отрицает при всей решительности своих атак на иррациональную интуицию Гамана и зрелого Шеллинга. Этот факт и находит свой отзвук в приведенной выше цитате. Но в истории мысли бывало и так, что иррационализм у одного и того же мыслителя эклектически соединялся с рационализмом.

Н.С. Мудрагей в своей работе «Очерки истории западноевропейского иррационализма» подробно рассматривает проблему

иррационального в истории философии. Иррациональное, по мнению Мудрагей, имеет два смысла: негативный и позитивный. «Негативный – это как бы рациональное в зародыше: еще не рациональное, но уже в пути к нему. Оно таково, что вполне может быть рационализировано, просто оно еще не вошло в сферу рефлексии. В негативном смысле иррациональное есть то явление, которое на данном этапе познания остается для познающего темным, непроницаемым, теоретически неосознанным; которое предстает перед мысленным взором познающего в качестве исследуемого, познаваемого, но еще не познанного» [3, 68]. В этом смысле всякий предмет, подлежащий познанию, иррационален. Он есть то, что еще только будет рационально оформляться, логически обрабатываться. Подобное иррациональное – постоянный спутник рационального, его материал, источник, предмет освоения. Постоянный, ибо никакой познанный предмет не равен самому себе, реально существующему, не есть механическая сумма определений, до конца исчерпывающих содержание предмета. Даже наука, высший тип рациональности, есть уходящий в бесконечность процесс рационализации, а не ставшая, законченная система рационального знания. В.И. Вернадский писал: «Научное построение, как правило, реально существующее, не есть логически стройная, во всех основах своих сознательно определяемая разумом система знания. Она полна непрерывных изменений, исправлений и противоречий, подвижна чрезвычайно, как жизнь, сложна в своем содержании; она есть динамическое неустойчивое равновесие» [4, 38].

Итак, иррациональное в негативном смысле слова – это «объект познания, который поначалу представляется как искомое, неизвестное, непознанное. В процессе познания субъект превращает его в понятное, логически выраженное, всеобщее знание. Подобное иррациональное следует понимать как еще-не-рациональное.

Взаимозависимость и противостояние рационального и иррационального как еще-не-рационального достаточно ясны. Субъект познания стоит перед проблемой,

которая поначалу скрыта от него под флером иррационального. Используя имеющиеся в его арсенале средства познания, он овладевает непознанным, превращая в познанное. Еще-не-рациональное становится рациональным, т. е. логически и понятийно выраженным» [3, 70].

Наличие иррациональных пластов в человеческом духе порождает ту глубину, из которой вновь и вновь появляются новые мысли, идеи, творения. Всякая решенная проблема – это проблема, рационализованная до конца, не имеющая больше в себе ничего иррационального. Но это – исчерпавшая себя проблема, иными словами, уже не проблема.

Таким образом, иррациональное – это философская категория, предназначенная для фиксации проблематичности объекта исследования, его исходное предпознанное состояние. В этом смысле иррациональное характеризует предпонимание объекта.

Все сказанное прекрасно иллюстрируется рассуждением А. Лосева о художественном образе в эстетике Платона. Лосев пишет: «...всякий подлинно художественный образ никогда не понимается нами как рациональная сумма каких-нибудь дискретных признаков, а как нечто живое, из глубин чего вечно бьет неугомонный источник и чего мы никак не можем сразу охватить своими рациональными методами. Художественно то, на что никогда нельзя наглядеться, сколько бы мы на него ни глядели. А это значит, что как бы глубоко мы ни воспринимали художественный образ, в нем всегда остается нечто непонятное и неистощимое, волнующее нас всякий раз, как только мы воспринимаем этот образ. Но ведь это-то и хочет сказать Платон. Точно так же, как мы синтезируем свободу и необходимость, сущность и явление, внутреннее и внешнее, содержание и форму, идеальное и материальное, точно так же, как Платон учит синтезировать рациональное и иррациональное. Художественный образ – рационален. Но без своей живой, вечно новой и неистощимой неисчерпаемости иррациональности он не есть художественный образ, но механическая сумма вполне

дискретных друг в отношении друга «слабых» [5, 635].

Догматический рационализм, как и догматический иррационализм, – дурная метафизика. Уделять внимание только одной стороне – значит исказить истину, впасть в неистину. Единство рационального и иррационального должно обозначить истинный путь познания. Рациональное и иррациональное обуславливают в конечном счете возможным существование друг друга. Рационализировать можно только иррациональное, именно иррациональное побуждает к рациональной деятельности.

Наличие рационального знания признается как рационалистами, так и иррационалистами. Отрицание его привело бы к самым абсурдным последствиям – абсолютной разобщенности людей, не имеющих никаких точек соприкосновения в своей духовной и практической деятельности, к полной анархии и хаосу. Но отношение рационализма и иррационализма к рациональному знанию прямо противоположно. Рационалист убежден, что, получив рациональное знание о предмете, он тем самым познал его подлинную сущность. Иное в иррационализме. Иррационалист утверждает, что рациональное знание не дает и в принципе не может дать знание сущности предмета и мира в целом, оно скользит по поверхности и служит исключительно для целей ориентации человека в окружающей среде. Так, компас в руках путника – совершенно необходимая вещь, если путник идет по неизвестной местности в определенном направлении. Но разве компас может дать описание и характеристику местности? Так и абстрактное рациональное знание – поводырь в мире, знакомом ему только в самых приблизительных чертах.

Во втором смысле иррациональное, по Мудрагей, – это «иррациональное в его абсолютном смысле как иррациональное-в-себе: то, что в принципе непознаваемо» [3, 71]. Так, Шопенгауэр, родоначальник современного иррационализма, утверждал, что мир есть «вечно тревожная загадка», его загадочность проявляется не только в целом, но в каждой отдельной его части: «...нет такого ничтожного глиняного черепка, кото-

рый бы весь не состоял из необъяснимых свойств» [1, 6]. Поэтому мы повсюду наталкиваемся на неразрешимые проблемы, как на стены своей темницы. На вопросы о сущности мира, утверждал немецкий философ, «невозможен ответ не только для нас, но и ни для какого познания вообще, то есть никогда и нигде...» [1, 7].

«Под иррациональным в позитивном смысле слова, – пишет Мудрагей, – понимается нечто противоразумное, отрицающее разум, борющееся с разумом; или нечто, по своему глубоко внутреннему, изначальному характеру принципиально не могущее быть предметом познания, нечто, что может быть только названо, упомянуто, но не объяснено, может быть почувствовано, но не выражено понятийно» [3, 72].

Итак, делая вывод, можно сказать, что, по Мудрагей, иррациональное в первом смысле как еще-не-рациональное равно признается и рационалистами, и иррационалистами. Иррациональное во втором смысле как иррациональное-в-себе – только иррационалистами. Здесь пути рационалиста и иррационалиста полностью расходятся.

В предыдущих рассуждениях мы остановились исключительно на теоретическом значении иррационального, подвергнув исследованию его гносеологические функции. Теперь еще немногими штрихами охарактеризуем методологическую роль иррационального в остальных частях системы философии.

Если этика составляет самостоятельную область философского умозрения, то мы уже а priori в праве предположить, что понятие иррационального занимает в методологии этики не менее видное место, чем в самой логике.

Идея со времен Канта знаменует по преимуществу – этический принцип. Эмпирически непримиримая противоположность между бытием (реальным миром) и долженствованием (моральным законом) – это исходный пункт, краеугольный камень его императивной этики. Но для точного определения сферы нравственности этой характеристики недостаточно, и поэтому мы обязаны поставить вопрос: каковы же те специфически

этические формы, в которых проявляется это несоответствие между нравственным идеалом и действительностью?

Все этические учения вращаются в пределах двух полюсов: индивидуализма и социума. Все они неизбежно наталкиваются на дилемму: кто истинный носитель нравственности? Индивид или сверхиндивидуальное, соборное начало (например, общество, государство)? И решают ее в том или другом смысле, приписывая либо индивидуальному, либо социальному моменту первенствующее и руководящее значение в морали. Однако с систематической точки зрения все эти этические концепции возбуждают самые серьезные сомнения: правильна ли сама постановка проблемы нравственности, из которой они исходят? Допустимо ли вообще искать решения этой проблемы в направлении одностороннего преобладания социального или индивидуального начала? Быть может, именно противоположность, противоречие этих двух моментов и есть необходимое условие реальности этического должностования? В самом деле, нравственный идеал бесконечен. Он осуществляется в процессе вечного морального совершенствования, т. е. в непрерывном преобразовании всех существующих этических норм и порядков и неустанном стремлении к новым высшим формам нравственной жизни и нравственного делания. Другими словами, этический идеал осуществляется в борьбе противоположных нравственных сил, а противоположность этих сил – чем иным может она быть, как не антагонизмом социального начала в морали?

В самобытности и самостоятельности индивида – залог вечного нравственного прогресса. В глубинах его нравственного сознания таится неисчерпаемый источник творческих, созидających жизненные ценности сил, под мощным напором которых рушатся все условия, границы, установленные освященными вековой нравственной традицией учениями и предрассудками. Индивид противопоставляет свою автономность обществу и государству не ради утверждения субъективной анархии, расторгающей все связывающие человечество социальные узы,

а во имя новых, более совершенных форм человеческого общежития. Он отрицает общество и государство во имя принципа общности, государственности, он сокрушает старые ценности во имя вечной идеи добра, смутный образ которой он носит в своей мятежной душе. Итак, высший этический идеал – полное слияние и гармоническое единение – индивидуального и соборного начала остается незыблемым и непоколебимым. Но реальное значение проблемы нравственности основывается на живом противоречии этих двух начал, на иррациональности их соотношения в моральной действительности. Менее всего, быть может, оспаривается значение иррационального в сфере эстетического бытия. И это вполне естественно – интересы эстетики всецело направлены на конкретное, индивидуальное, т. е. именно на ту проблему, в которой ярче всего обнаруживается иррациональная подкладка познания. Однако объекту эстетики иррациональность присуща в еще более глубоком смысле. В художественном произведении бесконечная идея воплощается в конечную чувственную форму – это положение лежит в основе эстетики Шеллинга, восходящей в своих началах к кантовским воззрениям. Что же, однако, значит это воплощение? Каким образом искусство достигает того, что науке навсегда недоступно? Таким преимуществом перед наукой искусство обязано своему сугубо иррациональному характеру. Научное сознание способно приобщаться к миру идей только путем абстрагирующей рационализации, т. е. путем превращения конкретной идеи в отвлеченное понятие. Эстетическое сознание не нуждается в этом посредничестве абстракции. Оно целиком вращается в сфере иррационального и воспринимает идеи непосредственно во всей их конкретной полноте и бесконечности. Поэтому и «символический» характер искусства обусловлен не столько синтезом конечного и бесконечного, сколько сведением к гармоническому единству двух различных форм или ступеней бесконечной иррациональности: одной высшей, представляемой идеей и другой низшей, осуществляемой конкретным образом.

Наконец, в области религиозной философии яркий пример систематического значения иррационального являет проблема Бога.

Если Бог – первоисточник всего бытия, всего сущего, то какова его природа? Всегда, когда спекулятивная теология отдавала себе отчет в логической подкладке этого вопроса, она ограничивалась преимущественно – это весьма знаменательно – одними отрицательными определениями понятия Бога. Бог бесконечен, он несоизмерим и несравним со всем, чему свойственна конечность. Но человеческий разум ограни-

чен, и все построенные им рациональные понятия применимы только к миру конечных вещей; поэтому для проникновения в сокровенную сущность Божества мысль человеческая располагает только одним средством: отрицанием всего, что конечно и ограничено, т. е. отрицанием всех доступных ей рациональных определений. Природа Божества – с этой точки зрения – иррациональна. Но именно в этой иррациональности раскрываются источник и начало всего рационального, в этом отрицании конечного бытия утверждается высшая ступень реальности и совершенства.

Список использованной литературы:

1. Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. М., 1993.
2. Гегель. Соч. М.–Л., 1929. Т. 1.
3. Мудрагей Н.С. Очерки истории западноевропейского иррационализма. М., 2002.
4. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн.2. М., 1977.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.